

DOI 10.35264/1996-2274-2021-1-77-84

АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ С НИЗКОЙ РОЖДАЕМОСТЬЮ: ОПЫТ И НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Д.С. Жуков, доц. Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, канд. ист. наук, доц., *ineternatum@mail.ru*

Н.С. Барабаш, нач. отд. ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, канд. филол. наук, *nsb@extech.ru*

Рецензент: Н.Е. Зудов

Статья представляет собой краткий обзор зарубежной литературы, в которой рассмотрены подходы к выстраиванию демографической политики, а также некоторые итоги реализации таких подходов. Объектами являются исследования, сфокусированные на странах с низкой рождаемостью, т. е. странах, которые испытывают проблемы, схожие с российскими. Определены ключевые механизмы, посредством которых развитые общества пытаются стимулировать рождаемость. Рассмотрены характер и результаты разных типов демографической политики в нескольких группах стран: Скандинавии, англо-саксонских странах, Японии и Южной Корее, Южной, Западной и Восточной Европе.

Ключевые слова: рождаемость, суммарный коэффициент рождаемости, демографическая политика.

ANALYSIS OF THE POPULATION POLICY IN THE LOW BIRTH RATE COUNTRIES. THEIR EXPERIENCE AND SOME RESULTS

D.S. Zhukov, Associate Professor, G.R. Derzhavin Tambov State University, Doctor of History, *ineternatum@mail.ru*

N.S. Barabash, Head of Department, SRI FRCEC, Doctor of Philology, *nsb@extech.ru*

This article presents the short overview of the foreign literature, in which has been considered the population policy and some results of the implementation of such approaches. The objects are the researches of the low rate birth countries which have the same kind of problems as Russia. We consider the essential mechanism which helps the developed societies to stimulate the childbirth. It has been reviewed the results of the different types of population policy in several groups of the countries: Scandinavian and Anglo-Saxon countries; Japan and South Korea; Southern, Western and Eastern Europe.

Keywords: childbirth, total birth rate, population policy.

Введение

В 80–90-х гг. XX в. в развитых странах Европы (а затем в Японии, Южной Корее и Северной Америке) были осознаны негативные демографические тенденции и их генератор — падение суммарного коэффициента рождаемости (СКР). Вслед за этим были разработаны и внедрены многочисленные пронаталистские программы поддержки рождаемости, семьи, детства, женщин и пр.

На данный момент эксперты имеют возможность оценить эффективность этих программ, учитывая тот факт, что они существенно различались в разных странах. Поскольку конечной цели — удержания СКР на уровне простого воспроизводства — удалось добиться лишь

немногим государствам, естественно возникла проблема корректировки демографической политики.

Данная статья преследует цель: дать краткий обзор зарубежных подходов к выстраиванию демографической политики, а также представить некоторые итоги реализации таких подходов. Объектами являются исследования, сфокусированные на странах с низкой рождаемостью, т. е. на странах, которые испытывают проблемы, схожие с российскими.

Низкий СКР в XX и XXI вв. превратился в ключевой демографический депрессор во многих странах Запада и Азиатско-Тихоокеанского региона. Однако, по мнению некоторых исследователей, процесс демографического угасания в таких странах не является необратимым. Так, возвращение к высокой плодовитости во многих западных странах во время бэби-бума после Второй мировой войны показывает, что вполне возможен разворот тенденции [2].

Низкая рождаемость в современных развитых обществах тесно связана с низкой смертностью. Напротив, для традиционных обществ характерна связка высоких рождаемости и смертности: «Наиболее важным соображением является то, что в истории человечества мощной движущей силой была смертность. Плодовитость всегда была чрезвычайно надежной и устойчивой характеристикой прошлых популяций. Только разрушение физиологических основ репродуктивности... приводило к значительному уменьшению деторождения и недостаточной репродуктивной способности» [2].

Соответственно, по общему мнению исследователей, высокие показатели СКР (более 3) для модернизированных обществ труднодостижимы. Программой-максимум является достижение такого СКР, который обеспечивал бы простое воспроизведение населения или незначительный естественный рост.

Точки приложения сил

Поскольку детерминанты демографического поведения оказались весьма многочисленными, разнообразными и порой парадоксальными, исследователи не смогли обнаружить «золотой ключик» к демографическому возрождению. Практически общей позицией экспертов стало утверждение, что меры демографического стимулирования должны быть комплексными. Такой набор инструментов государственного поощрения упаковывается в так называемую семейную политику – систему оздоровления всех аспектов жизнедеятельности и институтов, связанных с рождаемостью. Это и повышение репродуктивного здоровья, и укрепление семьи, и финансовая поддержка рождения и детства, и корректировка демографического поведения, и многое другое. Вместо термина «семейная политика» в том смысле, в каком он употребляется в англоязычных трудах, в российской литературе обычно используется понятие «демографическая политика».

Обзор литературы, связанной с демографической политикой в разных странах, представлен в источнике [12].

Оливер Тивено рассматривает «семейную политику» в странах – членах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), т. е. именно в тех странах, для которых по большей части характерны проблемы низкой рождаемости [25]. Он выделяет несколько направлений такой политики – несколько основных рычагов для корректировки демографической динамики. Усилия некоторых стран фокусируются на одном или двух подобных рычагах. Ряд государств, имея значительные средства, могут позволить себе проводить смешанную политику в нескольких направлениях.

1. «Снижение бедности и поддержание доходов» для сохранения института семьи и стимулирования рождаемости. Основным инструментом такой политики являются пособия [18]. Данная политика характерна для ангlosаксонских стран, а также для Южной и Восточной Европы. Однако различия в размере пособий и в подходах к их распределению могут привести к принципиально разным результатам, например в Великобритании и Болгарии.

Являются ли пособия действительно значимым фактором повышения рождаемости? Существует ряд исследований, в которых дается утвердительный ответ на этот вопрос.

Например, Н. Финч и Дж. Брэдшоу исследовали 22 страны (включая страны Западной и Северной Европы, США, Израиль, Новую Зеландию и Японию) по состоянию на 2001 г. и обнаружили корреляцию между совокупной величиной пособий и коэффициентом рождаемости [10]. Хотя некоторые страны не подчиняются этой закономерности.

Кроме того, исследователи признали, что обнаруженная корреляция сильна для малообеспеченных слоев населения: «Таким образом, предполагается, что государства, которые поддерживают расходы бедных семей, могут побуждать их иметь больше детей. Есть свидетельства – по крайней мере, в Великобритании – что рождаемость снизилась больше всего у образованных матерей; соответственно, более высокая доля рождений приходится на менее обеспеченных матерей. Если эта закономерность верна и для других стран, это может указывать на то, что пакет детских пособий, выплачиваемый более бедным матерям, может быть ключевым фактором, влияющим на fertильность: они нуждаются в нем больше и могут быть более восприимчивыми к нему» [10].

Однако даже для малообеспеченных семей увеличение объема государственной помощи не ведет к пропорциональному линейному росту рождаемости. Кроме того, рост доходов населения ставит под сомнение эффективность простых рецептов решения демографических проблем. Соответственно, ряд стран предпочитают использовать более дорогостоящие финансовые инструменты для стимулирования рождаемости не только среди малообеспеченных слоев.

2. «Компенсация финансовых затрат на детей». В рамках данной политики осуществляется компенсация не только прямых потерь, но и «недополученной прибыли». Принципиальное отличие политики такого типа от упомянутой выше заключается в том, что более обеспеченные слои общества имеют возможность получить больше средств поддержки в связи с рождением детей – пропорционально выбывшим доходам. Пособия и/или фискальные льготы преследуют цель: сгладить имущественный разрыв между семьями с детьми и бездетными семьями. Государственная финансовая поддержка в таком случае не фокусируется лишь на малообеспеченных семьях.

Некоторые исследователи отрицают наличие значимой корреляции между размером пособий и рождаемостью и отмечают, что рождаемость коррелирует с комплексной величиной, выражющей усилия государства по сохранению работы и доходов семей, решивших завести детей [5].

3. «Содействие занятости» (прежде всего – женщин). Смысл такой политики сводится к гарантиям для женщин, которые решили родить ребенка, заключающихся в том, что это не приведет к уменьшению их личного дохода, пресечению карьеры и снижению социального статуса. Кроме того, предполагается, что вовлечение женщин в экономическую деятельность существенно улучшит благосостояние семей и, следовательно, также будет позитивно влиять на рождаемость. Однако исследователи отмечают, что демографический эффект увеличения занятости женщин в экономике является нелинейным и неодинаковым в разных странах: «Интересно отметить, что рост показателей fertильности до начала недавнего экономического спада был более резким в странах, где участие женщин на рынке труда также заметно возросло и где женщины имеют больше возможностей совмещать работу и деторождение. Таким образом, уровень рождаемости сейчас выше в странах с высоким уровнем занятости женщин, тогда как 30 лет назад преобладала противоположная ситуация» [3].

Однако имеются исследования, которые доказывают традиционное представление о наличии отрицательной связи между трудовой занятостью женщин и рождаемостью. Т. Когель рассмотрел 21 страну ОЭСР за период 1960–2000 гг. и пришел к выводу, что растущая занятость женщин способствует не увеличению, а сокращению коэффициента рождаемости. Автор также попытался показать, что противоположные результаты, возможно, являются ошибкой из-за неучета комплекса факторов, влияющих как на занятость, так и на рождаемость [15].

4. «Повышение гендерного равенства». В частности, нормы декретного отпуска могут быть разработаны таким образом, чтобы избежать длительного ухода женщин с рынка труда и побудить отцов взять на себя более высокооплачиваемый отпуск по уходу за ребенком. Например, в источнике [19] выдвинуто предположение, что политика, способствующая гендерному равенству, может положительно повлиять на рождаемость.

5. «Услуги по уходу за детьми». Для детей раннего возраста обычно считаются благоприятными два фактора: время, затрачиваемое родителями на уход и обучение, а также доступность системы детских садов и дошкольного образования [25]. Это снижает нагрузку на родителей, что способствует появлению второго ребенка (и большего количества детей). Кроме того, наличие развитой системы детских садов (или иных форм ухода за детьми) позволяет обоим родителям работать, улучшает благосостояние семьи и, следовательно, также поощряет рождаемость.

Имеются данные о положительной корреляции доступности услуг по уходу за детьми и коэффициентом рождаемости [6, 8]. Однако некоторые исследователи высказывают мнение, что такая корреляция, возможно, является побочным эффектом действия иных – комплексных – факторов [12].

Типы демографической политики

Какие инструменты или их наборы используются разными государствами? Отвечая на этот вопрос, исследователи выделяют несколько групп, внутри которых страны имеют более или менее однотипную «семейную политику» (при наличии, однако, некоторой вариативности в рамках группы).

1. Скандинавские страны. Для Северной Европы характерна следующая комбинация инструментов: длительный (три года) и достойно оплачиваемый декретный отпуск и хорошо наложенная система «услуг по уходу за детьми» (детские сады и пр.). «В Дании, например, дети имеют доступ к услугам по уходу за детьми, как только истекает декретный отпуск (в возрасте 1 года); и более 70 % детей в возрасте 0–2 лет охвачены официальными услугами по уходу за детьми, что намного выше среднего показателя по ОЭСР» [25].

2. Ангlosаксонские страны. Декретный отпуск в таких странах относительно короток и оплачивается весьма скромно. Однако эти страны делают ставку на развитие сети дошкольных учреждений, позволяя родителям работать. Кроме того, система пособий на детей устроена таким образом, что создает значительный доход для малообеспеченных семей. В результате в таких странах коэффициент рождаемости заметно дифференцирован в зависимости от социального положения. Низкооплачиваемые слои населения имеют более высокий уровень рождаемости.

3. Япония, Южная Корея, Южная Европа. Эти страны характеризуются коротким периодом оплачиваемого декретного отпуска и менее обширным предоставлением услуг по уходу за ребенком. От ангlosаксонских стран страны этой группы отличаются весьма небольшими размерами пособий. «Эти страны, – заключает О. Тивено, – характеризуются дефицитом демографической политики, какой бы ее аспект ни рассматривался» [25].

4. Восточная Европа. В странах этой группы (за исключением Венгрии) политика сфокусирована на борьбе с бедностью. Получателями пособий являются малообеспеченные семьи. Общие расходы на «семейную политику» в государственных бюджетах весьма малы. Демографические результаты большинства таких стран можно охарактеризовать как крайне негативные.

5. Континентальная Европа (Франция, Германия, страны Бенилюкса). Здесь весьма велика непосредственная финансовая помощь семьям с детьми, что призвано компенсировать «недополученные доходы» семьи в связи с рождением детей и сгладить отставание в благосостоянии от бездетных семей. Государственные расходы на семьи с детьми намного выше, чем в среднем по ОЭСР. Помимо пособий, значительные выгоды предоставляются семьям посредством налоговых льгот, что также создает преимущества для изначально обеспеченных домохозяйств.

Каковы результаты разных демографических стратегий?

Результаты означенных стратегий отчасти представлены в коллективной работе нескольких десятков экспертов: Future fertility in low fertility countries, модераторами которой являются С. Бастен, Т. Соботка и К. Земан [3]. Это аналитический доклад, подготовленный под эгидой Центра демографии и глобального человеческого капитала Витгенштейна (исследовательская коллаборация экспертов Международного института прикладного системного анализа в Люксембурге, Венского института демографии Австрийской академии наук и Венского университета экономики и бизнеса). Доклад охватывает 41 страну с низким коэффициентом рождаемости, а также Израиль. В экспертом опросе участвовали 170 специалистов-демографов.

Авторы заключают: «Глобальная конвергенция коэффициентов рождаемости в разных странах примерно до уровня замещения, предусмотренного в прогнозах ООН, представляется маловероятной. Более вероятным сценарием представляется продолжение дифференциации [коэффициентов рождаемости между странами] в сочетании с частичной конвергенцией рождаемости в сторону более низких уровней» [3].

Судя по этому докладу, наибольших успехов добились те страны, в которых сохранились в большом масштабе традиционные нормы многодетности, связанные с религиозными взглядами (Ирландия, Израиль). Кроме того, весьма продуктивными стратегиями можно считать те, которые были использованы в странах Скандинавии и во Франции.

«Франция и Соединенное Королевство имеют схожие уровни фертильности: СКР близок к 2,0 в 2010 году... Но за этим сходством скрываются различия... Модель рождаемости во Франции, как и в странах Северной Европы, может быть охарактеризована как «эгалитарная» – с низким уровнем бездетности и относительно низкими различиями между группами с разным социальным статусом» [9, 22]. Отчасти это можно объяснить активной семейной политикой, введенной во Франции в 40-х гг. XX в. и адаптированной в 80-х гг. XX в. с учетом выхода женщин на рынок труда: «Пронаталистическая по своей сути политика во Франции, кажется, создала особенно позитивное отношение к семьям с двумя или тремя детьми» [26].

Картину рождаемости в Великобритании можно рассматривать как «поляризованную», характеризующуюся высоким уровнем бездетности (около 20 %, особенно среди женщин с университетским образованием) и более высокой долей женщин с невысоким социальным статусом с четырьмя и более детьми. Относительно высокую рождаемость в Скандинавских странах исследователи часто связывают с немалыми государственными ассигнованиями на поддержку семей и с высоким уровнем гендерного равенства [24, 21]. При прочих равных условиях «шаговая доступность услуг по уходу за детьми» приводит к увеличению рождаемости [23].

Тенденции рождаемости в Израиле заслуживают особого внимания. Дело в том, что, будучи более богатой и развитой страной, чем многие государства Европы и Восточной Азии, Израиль демонстрирует относительно высокий СКР, который с середины 80-х гг. XX в. стабилизировался на уровне около 3. Это достигается за счет сочетания пронаталистской политики и доминирования в ряде групп населения традиционных ценностей. Ортодоксальные евреи сохраняют сильную ориентацию на высокую рождаемость. Подобного рода обстоятельства уникальны для Израиля, однако опыт этой страны указывает, что демографическая политика может быть успешной благодаря вариативности, соответствующей социальному и культурному разнообразию населения [3].

Новейшая литература, изданная в 20–21-х гг. XXI в., продолжает исследовательские линии, обозначенные выше. Большое количество трудов посвящено становым кейсам. Объектом внимания экспертов является семейная политика в странах с относительно низкой рождаемостью, таких как Германия [13, 29], Швеция [1], Финляндия [14], Польша [28], США [4] и др. Среди новых тенденций следует отметить возрастание числа трудов по Южной Корее, что связано с особой острой демографических проблем в этой стране и с обраще-

нием южнокорейских исследователей к иностранному опыту для выработки рецептов для своей страны [17, 20].

Регулярно публикуются кросс-страновые и кросс-региональные компартиативные исследования [7, 11], а также работы, посвященные исторической демографии и генезису современной семейной политики [27].

Конечно, не ослабевает интерес исследователей к ключевой проблеме обзора – эффективности различных механизмов семейной политики. Эксперты пытаются понять, какие именно рычаги воздействия на демографическое поведение наиболее эффективны, как они коррелируют с СКР и взаимодействуют друг с другом. Среди подобного рода работ отметим диссертацию Д. Ли, защищенную в Сеульском национальном университете [16]. Используя статистику Южной Кореи и стран Европы в начале XXI в., автор стремится понять, как на демографическое поведение воздействует переход развитых обществ в постиндустриальную стадию развития. Лейтмотивом исследования является необходимость преодоления таких мощных депрессоров рождаемости, как нестабильность рынка труда, сокращение гарантий социального благополучия семей: «Низкая рождаемость в развитых обществах является рефлексивной реакцией как молодежи в целом, так и, в частности, женщин на рост незащищенности доходов и занятости, на трудности в гармонизации работы и семейной жизни» [16].

Таким образом, современная социально-экономическая динамика содержит значительный негативный (по отношению к демографическим процессам) потенциал. Соответственно, страны нуждаются не только в выработке эффективной и национально-специфичной демографической политики, но и в постоянном обновлении таковой.

Заключение

Обзор демографических политик и их результатов в странах с низкой рождаемостью подталкивает к некоторым выводам. Во-первых, сохранение традиционных ценностей среди населения в большинстве случаев является более значимым фактором успеха (т. е. фактором повышения СКР), нежели пособия и иного рода денежные стимулы. Во-вторых, подмена демографической политики борьбой с бедностью приводит к экономии государственных средств, однако не ведет к значимым демографическим результатам. Вероятно, положительная корреляция между рождаемостью и величиной детских пособий характерна преимущественно для малообеспеченных семей и не во всех странах. В-третьих, в развитых странах (в значительно большей мере, нежели в развивающихся) СКР, вероятно, чувствителен к наличию развитой инфраструктуры ухода за детьми, а также к мерам по сохранению «выпадающих доходов» семей с детьми (включая обеспеченные семьи). В-четвертых, гарантии благосостояния, социального статуса и профессиональной карьеры для женщин, решивших родить ребенка, являются необходимым условием поддержания высокой рождаемости, но не выступают в качестве основного стимула.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 18-18-00187 «Стратегии демографического поведения сельского населения юга Центральной России в XX – начале XXI в.».

Список литературы (References)

1. Andersson G. (2020) A Review of policies and practices related to the «Highest-Low» fertility of Sweden: A 2020 update. Stockholm Research Reports in Demography. Preprint. Available at: <https://doi.org/10.17045/sthlmuni.13217516.v1> (accessed: 11.04.2021).
2. Bacci M.L. (2013) Low Fertility in Historical perspective. Population and Development Review. T. 38. No. 1. C. 72–82.
3. Basten S., Sobotka T., Zeman K. (2013) Future fertility in low fertility countries. Vienna Institute Working Papers. No. 5. P. 39–146. Available at: <https://lirias.kuleuven.be/1872694?limo=0> (accessed: 11.04.2021).

4. Berger L.M., Carlson M.J. (2020) Family policy and complex contemporary families: A decade in review and implications for the next decade of research and policy practice. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 82. Is. 1. P. 478–507. DOI: [/10.1111/jomf.12650](https://doi.org/10.1111/jomf.12650).
5. Castles F.G. (2003) The world turned upside down: Below replacement fertility, changing preferences and family-friendly public policy in 21 OECD countries. *Journal of European Social Policy*. Vol. 13. No. 3. P. 209–227.
6. Del Boca D. (2003) The effect of child care and part time opportunities on participation and fertility decisions in Italy. *Journal of Population Economics*. Vol. 15. Issue 3. P. 549–573.
7. Díaz Gandasegui V., Elizalde-San Miguel B., Sanz M.T. (2021) Back to the future: A sensitivity analysis to predict future fertility rates considering the influence of family policies – The cases of Spain and Norway. *Social Indicators Research*. Vol. 154. Is. 3. P. 943–968. DOI: [10.1007/s11205-020-02566-7](https://doi.org/10.1007/s11205-020-02566-7).
8. Diprete T.A., Morgan P.S., Engelhardt H., Pacalova H. (2003) Do cross-national differences in the costs of children generate cross-national differences in fertility rates? *Population Research and Policy Review*. Vol. 22. Is. 5–6. P. 439–477.
9. Ekert-Jaffé O., Joshi H., Lynch K., et al. (2002) Fécondité, calendrier des naissances et milieu social en France et en Grande-Bretagne. *Politiques sociales et polarisation socioprofessionnelle*. *Population*. Vol. 57. No. 3. P. 485–518. DOI: [10.3917/popu.203.0485](https://doi.org/10.3917/popu.203.0485).
10. Finch N., Bradshaw J. (2003) Fertility and supporting the costs of children. Conference materials «Recent fertility trends in Northern Europe» (Oslo, Norway). Available at: <https://www-users.york.ac.uk/~jrb1/documents/fertilityandsupporting.pdf> (accessed: 11.04.2021).
11. Fleckenstein T., Lee S.C. (2020) Roads and barriers towards social investments: Comparing labour market and family policy reforms in Europe and East Asia. *Policy and Society*. Vol. 39. Is. 2. P. 266–283. DOI: [10.1080/14494035.2019.1688617](https://doi.org/10.1080/14494035.2019.1688617).
12. Gauthier A.H. (2007) The impact of family policies on fertility in industrialized countries: a review of the literature. *Population Research and Policy Review*. Vol. 26. № 3. P. 323–346. DOI: [10.1007/s11113-007-9033-x](https://doi.org/10.1007/s11113-007-9033-x).
13. GÜLZAU F. (2020) A paradigm shift in German family policy: Applying a topic model to map reform and public discourse, 1990–2016. *European Policy Analysis*. Vol. 6. Is. 1. P. 100–118. DOI: [10.1002/epa2.1072](https://doi.org/10.1002/epa2.1072).
14. Hellstrand J., Nisén J., Myrskylä M. (2020) All-time low period fertility in Finland: Demographic drivers, tempo effects, and cohort implications. *Population Studies*. Vol. 74. Is. 3. P. 315–329. DOI: [10.1080/00324728.2020.1750677](https://doi.org/10.1080/00324728.2020.1750677).
15. Kogel T. (2004) Did the association between fertility and female employment within OECD countries really change its sign? *Journal of Population Economics*. Vol. 17. P. 45–65.
16. Lee D. (2000) Family policy's mechanisms for affecting fertility intentions. PhD Dissertation. Seoul National University. Available at: <https://s-space.snu.ac.kr/handle/10371/167930> (accessed: 11.04.2021).
17. Lee K., Zaidi A. (2020) How policy configurations matter: A critical look into pro-natal policy in South Korea based on a gender and family framework. *International Journal of Sociology and Social Policy*. Vol. 40. Is. 7/8. P. 589–606. DOI: [10.1108/IJSSP-12-2019-0260](https://doi.org/10.1108/IJSSP-12-2019-0260).
18. Maître B., Nolan B., Whelan C.T. (2005) Welfare regimes and household income packaging in the European Union. *Journal of European Social Policy*. Vol. 15. № 2. P. 157–171. DOI: [10.1177/095892805051510](https://doi.org/10.1177/095892805051510).
19. McDonald P. (2000) Gender equity, social institutions and the future of fertility. *Journal of Population Research*. Vol. 17. Is. 1. P. 1–16.
20. Park E.H. (2020) Ultra-low fertility and policy response in South Korea: Lessons from the case of Japan. *Ageing International*. Vol. 45. № 2. P. 191–205. Available at: <https://doi.org/10.1007/s12126-020-09365-y> (accessed: 11.04.2021).
21. Rendall M., Smallwood S. (2003) An examination of the relationship between attainment of higher educational qualifications and later entry to motherhood and how these are associated with the pace of subsequent childbearing. *Population Trends*. Vol. 111. P. 18–26.

22. Rendall M.S., Ekert-Jaffé O., Joshi H., at al. (2009) Universal versus Economically polarized change in age at first birth: A French-British comparison. *Population and Development Review*. Vol. 35. № 1. P. 89–115. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2009.00262.x.
23. Rindfuss R.R., Guilkey D.K., Morgan S.P., Kravdal Ø. (2010) Child-care availability and fertility in Norway. *Population and Development Review*. Vol. 36. No. 4. P. 725–748. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2010.00355.x.
24. Rønse M., Skrede K. (2010) Can public policies sustain fertility in the Nordic countries? Lessons from the past and questions for the future. *Demographic Research*. Vol. 22. P. 321–46. Available at: <http://www.jstor.org/stable/26349561> (accessed: 11.04.2021).
25. Thévenon O. (2011) Family policies in OECD countries: A comparative analysis. *Population and Development Review*. Vol. 37. № 1. P. 57–87. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2011.00390.x.
26. Toulemon L., Pailhé A., Rossier C. (2008) France: High and stable fertility. *Demographic Research*. Vol. 19. P. 503–556. DOI: 10.4054/DemRes.2008.19.16.
27. Van Winkle Z. (2019) Family policies and family life course complexity across 20th-century Europe. *Journal of European Social Policy*. Vol. 30. Is. 3. P. 320–338. DOI: 10.1177/0958928719880508.
28. Wilk S. (2020) The Role of family policy in solving demographic problems: Study of the Polish program family 500+. *European Journal of Sustainable Development*. Vol. 9. Is. 4. P. 84. DOI: 10.14207/ejsd.2020.v9n4p84.
29. Windwehr J., Fischer T. (2020) The Limits of Change: German family policy and the dynamics of policy transfer 2009–2017. *German Politics*. P. 1–19. DOI: 10.1080/09644008.2020.1770228.